

ПУЛЯ В СПИНУ

Посвящается памяти моей матери Анны Ильиничны Баскевич, окончившей ВМВ в Вене в рядах 3-го Украинского фронта, удостоенной, среди прочих наград, медалью «За отвагу» и демобилизованной в мае 1946 г. в звании капитана медслужбы

Прогремел последний залп недолгой артподготовки. Свисток ротного прорезал холодный и серый утренний воздух. Иосиф приподнялся, крикнул: “А ну из окопа! Вперёд!” и повёл глазами вправо-влево на сторбившихся в ожидании команды людей своего взвода. Перед наступлением прибыло пополнение, и теперь у него было 36 человек вместо прежних семи. Целое войско, да только полагаться он мог лишь на этих семерых...

Иосиф опытным нутром провоевавшего девять недель взводного командира предчувствовал, что недолго предстоит ему сегодня бежать вперёд под огнём. Это была его вторая атака, как правило, последняя для стрелкового взводного. От первой, месяц назад, в сознании остался липкий ужас густого свинцового ливня, когда каждая пуля, казалось, летит прямо в тебя: в живот, в грудь, в лоб... И дикое озверение потом, в немецком окопе, когда саперной лопаткой он с размаху ударил первого попавшегося ему фрица по плечу около шеи и рассек его почти пополам. С трудом, упираясь ногой в живот убитого, выдернул лопату и, держа её наготове, ринулся вбок вдоль окопа, что-то непрерывно крича, пока не наткнулся на высокого, худого немецкого офицера. Офицер, вытянув длинную руку с пистолетом и выкрикнув что-то типа “ферфлюхтер швайн”, дважды выстрелил в него.

Пули обожгли Иосифу левое плечо и ухо, но в бешеной ярости схватки никакой серьезной боли он не ощутил. Иосиф бросился вперёд и рубанул лопаткой, сляясь ударить и этого в стык плеча и шеи. Офицер отскочил назад, и удар пришёлся по вытянутой руке. Вместо дула парабеллума прямо в лицо Иосифа теперь глядела свежая культя. Кровь брызнула тугим фонтаном. Немец жутко взвыл, с быстротой дикого зверя кинулся на него и схватил другой рукой за горло, мгновенно сжимая пальцы с нечеловеческой силой, визжа и плюясь вонючей слюной в лицо. Прижатый к стене окопа и почти теряя сознание, Иосиф кое-как нащупал за голенищем сапога отточенную финку и несколько раз ударил гитлеровца в бок. Хватка на горле ослабла, а Иосиф все бил и бил его ножом, пока немец не осел на дно окопа. Иосиф подобрал лопатку, и тут словно огромной дубиной его долбануло сзади по голове. Он так и не узнал, что это было. Скорее всего, кто-то из немцев жажнул его прикладом автомата, но каска смягчила удар.

Дальше он смутно помнил, как Семёныч выворачивал лопату у него из рук, приговаривая “все, паря, все”, и Иосиф наконец отдал лопатку и вытер грязной рукой липко-мокрое от своей и чужой крови лицо. Потом его долго тошнило.

На другой день то, что осталось от дивизии, отвели во второй эшелон. Фельдшер из санроты перевязал ему плечо, а врач, старший лейтенант медслужбы, до смерти усталый еврей, дал несколько таблеток и спросил, может ли он ходить. Иосиф сказал может. Тогда врач отсыпал ему в горсть ещё таблеток и сказал: “Зай гезунд”.

Полтора месяца они простояли в белорусской деревне на переформировании. Командир роты двадцатичетырехлетний старший лейтенант Зверев, ровесник Иосифа лейтенант Фомин и сам Иосиф жили в довольно чистой избе у молодой бабы по имени Тонька, с двумя детьми. Отдавали ей весь офицерский доппаёк - галеты, рыбные консервы и шоколад. Ординарец Зверева каждый день приносил полные котелки с кашей и крошечными кусочками мяса, а ещё три буханки хлеба. Водки не выдавали, зато самогона, мутного и кисло пахнущего, хватало с лихвой. Картошка, лук и капуста у Тоньки тоже водились. По вечерам к ней являлись две молодые соседки, и уже обывкшие и сладившиеся пары, выпив по два стакана самогона - бабы пили наравне с мужчинами - и вдоволь натискавшись, заваливались спать: Зверев со своей подругой на печи, отгородившись горой тряпок от детей, а Фомин и Иосиф на полу, на драных одеялах. Женщина шептала Иосифу: “Не спеши, милый...ночка долгая”, и он чувствовал на своём лице нежные прикосновения заскорузлых пальцев сельской труженицы. После любви, засыпая рядом с ласковой и пышнотелой, несмотря на четвёртый год войны, молодежи, Иосиф думал: “И вправду говорят, кому война, а кому...”.

Их командир Зверев, сам деревенский плотник из-под Воронежа, надумал помочь гостеприимной хозяйке. Покрикивая на неумелых помощников, Фомина и Иосифа, залатал Тоньке крышу, поправил забор и сарай. Говорил, что держать в руках молоток куда приятнее, чем автомат.

- По делу соскучился, - говорил он, сплевывая на сторону.

- А фрицев бить не дело? - спрашивал Иосиф.

Командир в ответ только вздыхал. Иосиф и Фомин были холостые парни, а Зверева ждали дома жена и дочь.

Потом подогнали подкрепление, распределили по ротам. Многие были из только что освобождённых от немцев западных районов Украины и Белоруссии, десяток человек из Узбекистана.

- Дрянной материал, - сказал Зверев комбату на офицерском совещании в командирской избе.

- Молчать! - прикрикнул комбат и шлепнул ладонью по дощатому столу - Бери, какой есть, и учи сукиных детей, мать их во все стороны с присвистом. На то ты и ротный! Вон их подтяни, - и повёл массивным подбородком в сторону сидевших рядом друг с другом Фомина, Иосифа и нового командира взвода Корзуненко, пожилого, старше комбата, 36-летнего школьного учителя, за милую душу служившего до сих пор где-то на востоке в запасном полку. Он уже поведал Иосифу, тяжело вздыхая и поглаживая ладонью лысеющую голову, свою горестную историю. Тесть у Корзуненко был партийный секретарь областного масштаба. Погорел на взятках, и его

хоть не посадили, но сильно понизили - перевели директором совхоза. А ни в чем не повинного зятя разом турнули на передовую.

Наутро после размещения новобранцев по избам Иосиф построил свой взвод позади Тонькиного сарая и критически оглядел неровный строй солдат в гимнастерках второго срока. Здесь были и совсем молодые парни, моложе его самого на пару-тройку лет, и люди за сорок и под пятьдесят, почти что старики, на которых солдатская форма гляделась смешной и нелепой. Отдельно на правом краю строя стояли те семеро, кто прослужил в его взводе уже почти три месяца и пережил ту страшную атаку. Вроде и не выделялись они ничем, и выглядели не слишком браво, но, присмотревшись, можно было уловить в их лицах нечто особенное, суровое и жесткое, что отличало их от других, новоприбывших. Впрочем, и среди этих, новеньких, Иосиф взглядом обстрелянного солдата заметил нескольких фронтовиков.

- Кто из госпиталя, два шага вперед!

Неспешно вышли из строя три человека.

- Где воевали?

- Первый Украинский, - ответил за всех ладный светлоглазый парень.

- Как звать? - спросил Иосиф, не обращая внимание на отсутствие уставного "товарищ лейтенант".

- Артём Косоруков.

- Давно воюешь, Косоруков?

- В мае 43-го призвали...

- Сам откуда?

- Уральский я.

- Награды есть?

- Слава 3-й степени...

- Возьмешь отделение. Мне отделенный нужен. Вон Семёныч тебе покажет, - Иосиф двинул кистью руки с отставленным большим пальцем в сторону своего помкомвзвода. - Давайте все в строй.

Трое вернулись на место.

- Семёныч, - Иосиф глянул на правый фланг, где, как всегда чуть ссутулившись, раскорякой стоял Семёныч, - проследи, чтоб у всех были саперные лопатки.

- Сделаем, товарищ лейтенант, - козырнул Семёныч.

- Да чтоб наточили как следует. Ну, ты знаешь... Разойдись!

Кто по двое-трое, а кто и в одиночку двинулись в разные стороны. Иосиф заметил двоих парней, которые ещё в строю тихом обменивались какими-то словами, а теперь шли, посмеиваясь и оглядываясь на него.

- Эй, бойцы! - крикнул Иосиф, - А ну, ко мне!

Парни остановились, нехотя повернулись и подошли к нему.

- Фамилии, - сказал Иосиф.

- А що таке трапилось? - спросил тот, что пониже, слегка прищуриваясь.

Другой, высокий, с какой-то тыквообразной головой, сужающейся кверху, с мимолётной неприязнью скользнул взглядом по лицу Иосифа и сразу же отвёл глаза в сторону.

- Фамилии, говорю! Живо!

Парни подтянулись.

- Мене Лукьян Павлив зваты, - выговорил тот, что пониже, - А вин Петро Гуржий...

- Какого хера за него отвечаешь? Он что, безъязыкий?

- Та ни, вин розмовляе. То кум мий.

- Вы, ребята, сюда воевать прибыли. Это понятно? О чем усмешки?

- Та нияких усмешкив, пане лейтенант. То мы промиж собою. Ой, звиняюсь, товарищу лейтенант.

- Откуда сами?

- С под Ивано-Франкивска.

- Скоро на передовую, ребята, фашиста бить. Там в любую минуту жизнь каждого от твоего товарища зависит. У меня во взводе все друг другу товарищи. Вот так вот. Запомните это. Понятно?

- А чога ж, понятно, - пожал плечами Павлив.

- Свободны!

Двое отошли на безопасное расстояние. Несколько раз оглянувшись по сторонам, Гуржий скривил рот и выпалил:

- Немае в мене ниякого бажання бытыся за тую кляту коммуняцьку владу! Вони мого батька та брата вбили.

- Цыц, дурень! Якщо свого розуму не маеш, то слухай до того, хто мае. Замовч!

А теперь, поставив носок ноги в заранее приготовленное углубление в передней стенке окопа и оттолкнувшись руками от скользкой холодной глины, Иосиф выскочил наверх, пригибаясь. По обеим сторонам от взводного вылезали из окопа бойцы и, сжавшись, отчаянно стремясь занять как можно меньше пространства, мелкими шагами бежали вперёд по полю, стреляя наугад. Смертельными осами жужжали вражеские пули, кто-то с криком свалился слева, потом ещё один и ещё.

- Вперёд, мать вашу в душу, в долбаную селезенку! - перекрывая визжание пуль, донёсся хриплый голос ротного.

- Вперёд! - подхватил Иосиф и, петляя, побежал вверх по некрутому склону в сторону полыхающих автоматным огнём немецких окопов. Так они и бежали, Иосиф, и его солдаты, и вся рота Зверева, чтобы занять эту очередную проклятую высоту. Бежали под огнём, падали и поднимались, и опять бежали вперёд, крича и матерясь, теряя людей. И тут боковым зрением Иосиф углядел, как двое бойцов, оглянувшись, прилегли на землю и схоронились за бугорком.

- А ну встать! - заорал Иосиф, в два прыжка подскочил к ним и ударил ближнего прикладом автомата в спину. - Встать, сука! Вперёд!

Это были те самые Павлив и Гуржий. Иосиф, матюкаясь, пинками погнав их впереди себя, но вскоре обогнал обоих, размахнулся так, что в плече хрустнуло, и швырнул гранату в сторону немцев. Огонь оттуда вроде бы приутих, потом возобновился с ещё большей яростью. Рядом с Иосифом, прошивший длинной автоматной очередью, рухнул на землю боец из пополнения отделенный Артём Косоруков. На левом фланге, оставив десятка полтора неподвижных тел перед бруствером, бойцы Фомина один за другим уже прыгали во вражеский окоп. Иосиф оглянулся на своих и заметил, как Павлив с Гуржием опять угнездились на земле в нескольких шагах позади, прикрываясь телом убитого солдата.

- Встать, падлы ебаные! - закричал Иосиф, от бешенства забыв на секунду о немцах и разворачиваясь всем корпусом к лежащим - и тут же ощутил невероятной силы толчок в спину. Земля мгновенно приблизилась к глазам, но удара о неё головой и грудью Иосиф уже не почувствовал. Все тут же исчезло во мраке.

Очнувшись он на полевой койке в помещении, тесно уставленном такими же койками с лежащими на них людьми, обмотанными бинтами поверх голов, рук и ног, груди. Некоторые стонали или бредили. Сквозь бинты у многих просачивалась кровь. Запах крови, мочи и тяжелого пота густо висел в воздухе. Иосиф скосил глаза на соседа. Тот вроде был в сознании, лежал с открытыми глазами на худом небритом лице.

- Где это мы, дружище?

- Полевой госпиталь номер 1422, браток, - ответил тот, улыбнувшись. - Оклемался? Молоток! Двое суток бредил.

Иосиф осторожно ощупал себя. Многослойный бинт покрывал грудь и охватывал все тело кругом. Каждый вдох крепко отдавался болью в верхней части спины. Голова гудела, а руки-ноги действовали.

- В спину тебя шарахнуло, - продолжал словоохотливый сосед, - осколком, видать. Здорово болит?

- Да вроде нет. Голова вот только...мутная какая-то. А тебя куда задело?

- В поясницу и бедро. Звать Василий, а тебя как?

- Иосиф.

- Ишь ты, - покосился сосед, - как Верховного Главнокомандующего! Повезло тебе, браток - с самим Сталиным тезка.

- Да ладно тебе, - усмехнулся Иосиф, - где Сталин, а где я?

- Это верно, - согласился сосед и помолчал. Но долго молчать он, видимо, не умел.

- А я, браток, под минный обстрел попал. Я начальник связи 117-го полка, Свиридов. Комполка орет: давай связь, мать-перемать, расстреляю к хуям! Ну я взял бойца и пошел с ним по кабелю связь восстанавливать. Нашли два обрыва, восстановили, а тут немцы давай мины кидать. Бойца насмерть, а в меня, значит, три осколка. Я уже отвоевался. Врач говорит, ходить буду, только хромать на обе ноги. Ну да это ничего, меня жена и таким примет.

В палату заявила молодая ладная медсестра в белой косынке, в мятом, испачканном кровью халате, со шприцем в руках. Сделала кому-то укол, взглянула на Иосифа:

- Очнулся, милоч? Ну и хорошо. Сейчас вернусь, тебе тоже укол положен.

Вернулась, откинула одеяло, привычная к мужской наготы, быстро и умело сделала укол в бедро, поправила одеяло, ушла. Свиридов подмигнул Иосифу:

- Что, браток, зашевелилось ретивое?

- Да пошёл ты... - буркнул покрасневший Иосиф.

Сосед рассмеялся. В палату вошли два пожилых санитаря с мисками в руках, стали раздавать ужин. Каша была постная, редкая.

- Здесь не зажируешь, - сказал сосед. Иосиф выскреб все до капли и заснул, поставив миску на пол у изголовья.

Наутро его разбудили - кто-то с неумеренной силой тряс за плечо.

- Полегче нельзя? - буркнул Иосиф и открыл глаза.

У кровати на табуретке сидел, закинув ногу на ногу, широкоплечий мужик лет под тридцать, в белом халате, небрежно наброшенном на новенькую офицерскую гимнастерку. На коленях он держал офицерскую фуражку и блокнот.

- Можно и полегче, - выговорил он, на мгновение показав белые зубы в усмешке на полноватом свежесбрившем лице. - Ну как, пришёл в себя? Говорить, так я понимаю, можешь?

- А вы кто? - помедлив, спросил Иосиф. Обращения на "ты" у него почему-то не вышло.

- Капитан Скачков, дивизионный СМЕРШ. С этой минуты вопросы задаю я. Уяснил?

- Иосиф тряхнул головой, боль резко отдалась в темени.

- Уяснил, я спрашиваю? - повысил голос капитан.

- Так точно, уяснил. А в чем дело?

- Вижу, что пока не уяснил. Вопросы здесь задаю я, Гарбер, а твоя задача - отвечать! Теперь понял?

- Понял, - на всякий случай сказал Иосиф, хотя ничего он не понимал.

Какое у СМЕРШа может быть к нему дело? И тут он вспомнил тех двоих, Павлива и Гуржия, которые то и дело норовили уклониться от боя во время атаки роты на вражескую высотку. Должно быть, капитан хочет выяснить подробности поведения в бою этих горе-бойцов.

- Стало быть, так, Гарбер. Ранение у тебя в спину. Пулю хирург извлёк. Немецкая пуля, от шмайсера. Ранение получил во время атаки на высоту. Так?

Тут Иосиф заметил, что капитан прямо-таки сверлит его взглядом своих жестко отчуждённых, каких-то серо-желтых глаз. "Как у волка", - подумал Иосиф.

- Так точно, но...

- Ты, Гарбер, не торопись. Не забегай вперёд. Время пока есть. Ты почему к немцам спиной повернулся? Назад хотел бежать, испугался? Все, стало быть, вперёд, а лейтенант Гарбер назад?

- Никак нет, товарищ капитан! Наоборот! Там эти двое залегли, не хотели идти на фрица, так я их поднял, погнал вперёд.

Капитан сверился с блокнотом:

- Какие двое? Рядовые Гуржий и Павлив?

- Вот-вот, они. За трупом даже укрывались, товарищ капитан!

- За каким трупом?

- Наш боец, убитый.

- Что ты крутишь, Гарбер. Гуржий и Павлив показали, что ты бросил своих бойцов и побежал назад, как заяц.

- Да вы что, товарищ капитан? Это они трусили! Спросите хоть Семеныча.

- Это какой Семёныч? - капитан опять сверился с блокнотом. Видно, немало там содержалось информации... - Старший сержант Иван Семёныч Мастыркин, помкомвзвода твой? Пал смертью храбрых. Не поможет тебе Семёныч, тут у тебя промашка вышла.

- Разрешите объяснить, товарищ капитан, - взмолился Иосиф, - бегу я с бойцами вперёд, оглянулся, а эти гады, Гуржий и Павлив, за убитым от страха спрятались. Второй раз уже прячутся, сволочи. Все вперёд бегут, а они лежат мордой в землю и даже не стреляют. Повернулся я к ним, чтоб погнать этих гадов вперёд, тут меня и жахнуло в спину.

- Красиво у тебя получается, Гарбер. Бежал вперёд, оглянулся... А они, эти двое, показывают, что бросил ты своих в бою.

- Да ведь они, эти двое, под немцем считай три года были!

- Это мне известно. Были на оккупированной территории.

Продвижению по службе не подлежат. Однако сведений о их пособничестве фашистам у нас не имеется...

- Да вы вон у командира роты спросите, у Зверева. Он меня за прошлую атаку к ордену Отечественной войны представил...

- Допросил я старшего лейтенанта Зверева. Не скрою, хорошо тебя характеризует. Да только не видел он тебя после того, как рота пошла в атаку. Как ты взвод из окопа поднял, видел, а дальше нет.

- Как же так?

- А вот так! Смотри, что у нас получается. Ранен ты в спину. Пуля немецкая, значит, никто из своих тебе в спину не стрелял. Двое бойцов показывают, что ты повернулся к врагу спиной, побежал назад. Вот командир роты хвалит, это да...

- Товарищ капитан!

- Ладно, ты пока лечись, Гарбер, а мы разберёмся. Во всем разберёмся! Не волнуйся, сейчас не сорок первый год. К стенке тебя никто не поставит. Увидимся.

И с этими словами капитан поднялся, напоследок пробуравил Иосифа своими волчьими желто-серыми глазами, подхватил соскользнувший белый халат и вышел.

- Чего это он? - спросил сосед, полковой связист. - Не похож ты на труса, браток. Я много чего повидал, с сорок второго воюю.

- Да ну его к черту, - махнул рукой Иосиф, но на душе, конечно, было беспокойно.

Заседание военного трибунала дивизии началось ровно в восемь утра в одной из комнат бывшего горсовета, приспособленного под штаб.

- Сколько дел на сегодня? - спросил председатель, пожилой подполковник с бритой мясистой головой и орденом Красного Знамени на отутюженном ординарце кителя.

- Четыре, товарищ подполковник! - резвым фальцетом доложил секретарь суда, худой, словно железнодорожная шпала, младший лейтенант в очках, туго перетянутый ремнём выше талии.

Председатель хмуро взглянул на него и слегка покривил ртом - уж больно штатской смотрелась фигура очкастого секретаря.

- Офицеры есть?

- Так точно! Лейтенант Гарбер.

- Дело? - не глядя протянул руку подполковник.

Секретарь, даром что не кадровый, ловко вложил тощую папку в председательскую ладонь. Председатель пробежал глазами по страницам, потёр кончиками пальцев мочку правого уха, передал дело сидящему слева члену трибунала, худощавому майору со шрамом вдоль левой щеки и тремя медалями на груди. Над медалями краснела нашивка за тяжелое ранение, а кисть левой руки в чёрной перчатке неподвижно лежала на столе. Майор пролистал дело, покивал головой, нагнувшись над столом, протянул папку третьему члену трибунала, старшему лейтенанту, занимавшему место справа от председателя. Через минуту-две папка вновь оказалась на столе перед подполковником.

- Товарищ прокурор, - подполковник повернул голову в сторону молодцеватого, подтянутого офицера с погонями капитана. Тот приподнялся.

- Можете сидеть, - сказал председатель и отвернув рукав кителя на левой руке, взглянул на часы. - Начинайте.

- Есть! Лейтенант Гарбер Иосиф Аронович, 1925 года рождения, еврей, беспартийный, из служащих, командир взвода 179-го стрелкового полка. Обвиняется в потере управления боем, трусости, отступлении без приказа. В армии с февраля 1944 года, окончил шестимесячные...

- С этим ясно, - остановил его председатель, - награды?

- Не имеет. Представлен к ордену Отечественной войны 2-й степени.

- Как характеризуется командованием?

- Положительно. Имеется характеристика командира роты. Зачитать?

- Не нужно. Что предлагаете?

- Штрафбат. Три месяца.

- Не многовато ли? - спросил председатель, листая скудное, с тремя или четырьмя листами дело. - Потеря управления боем, отступление без приказа... накрутили тут, понимаешь. Всего-то делов - повернулся спиной к противнику.

- Двое солдат показали - побежал назад.

- Какие будут мнения? - председатель слегка повёл головой влево-вправо.

- Снять одну звездочку, и хватит с него. Не вижу тут особого дела, - предложил худощавый майор.

- Вы?

- Поддерживаю прокурора! - с твердостью заявил старший лейтенант. - Пускай кровью смоем.

Ветхий стул закрипел под крепким телом старшего лейтенанта.

Председатель помолчал.

- Ладно. Один месяц штрафбата. Представление к ордену не отзываться. Выживет - получит. Есть другие предложения?

- Никак нет! - тут же с готовностью поддержал председателя старший лейтенант, отрицательно мотнув головой.

- А не многовато ли будет? - проговорил майор - Может, он действительно хотел тех трусов поднять?

- Считаю, в самый раз. Во время атаки - немецкая пуля в спину. Звание ему оставляем... Вернётся - получит назад погоны, а может, и орден. Война! Майор, чуть помедлив, глянул в сторону и кивнул.

- Запиши: единогласно, - сказал председатель очкарику-секретарю, отдал ему дело и перевёл начальственный взгляд на военного прокурора, - Капитан, давайте следующего.

Санитар армейского госпиталя Бородулин, невысокий, но кряжистый мужичонка из-род Пензы, вышел из помещения вместе с писарем сержантом Щетининым, по приказу начмеда мобилизованным на разгрузку раненых. Оба они, ещё один санитар и выздоравливающий артиллерист Медяник второй час таскали носилки со стонущими, матерящимися, окровавленными, кое-как перевязанными людьми. Бородулин размял пальцами ноющее, простреленное в прошлом году плечо, набрал в грудь воздуха и сплюнул в сторону. Вдали над лесом багровел неяркий осенний закат.

- Везут и везут, везут и везут, конца-краю нету. Перекурить некогда.

- А ты как думал, дурья голова, - покачал головой сведущий в новостях писарь. - С утра штрафбат в разведку боем гоняли. Тут уж людей завсегда кучами положат.

- То-то и оно, положат. Ох ты горюшко!

Солдат с грузовика подтолкнул им очередные носилки. Чернявый парень с бледным от потери крови лицом пластом лежал на носилках без сознания, грудь поверх гимнастерки была обмотана слоями бинтов.

- Взяли, - сказал Щетинин, как обычно принимая носилки со стороны ног, где полегче. Бородулин не возражал - ссориться с писарем себе дороже.

Втащили носилки в сортировочное отделение. Фельдшер указал им место на краю залитого кровью стола прямо у самой двери.

- Сюда кладите и бегом за следующим.

- Ага, бегом... - пробормотал Бородулин себе под нос.

- Что с этим, Вдовин? - спросила подошедшая через пару минут миловидная усталая женщина-врач с погонами капитана, клинический ординатор. Ещё совсем молодая, она казалась лет на десять старше от недосыпания. В руках женщина держала пачку папирос - видно, собиралась выйти покурить.

- Множественные ранения в грудь, Анна Ильинична, - доложил фельдшер. - Пока живой, дышит. Жар у него.

Врач не любила, когда к ней обращались по званию. После двух с половиной лет на Карельском фронте в качестве командира санитарной роты она предпочитала имя-отчество. Там, на Карельском фронте, она и приучилась курить. Если помогало делу, могла и обматерить так, что какой-нибудь разленившийся санитар до самой ночи бегал как оглашённый.

Сквозь пелену боли Иосиф почувствовал замутнённым сознанием, как тёплая, сухая от частого мытья рука женщины легла ему на лоб. С трудом приоткрыл слипшиеся глаза.

- В себя пришёл. Давай его ко мне, в торакальное, - приказала Анна Ильинична, пряча папиросы в карман. - Сразу на стол, будем оперировать.

- Слушаюсь, Анна Ильинична, - сказал фельдшер - Санитар, живо вот этого в торакальное!